

Л. С. Баюн

ПОЗДНЕАНАТОЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ КАК ИСТОЧНИК ПО ХЕТТО-ЛУВИЙСКОЙ ДОПИСЬМЕННОЙ ИСТОРИИ

(На материале мильийской исторической грамматики)

УЖЕ в III тыс. до н. э. на территории Малой Азии обитали индоевропейские народности, которые говорили на языках хетто-лувийской (иначе анатолийской) группы индоевропейской языковой семьи¹. Эти языки — хеттский (письменные памятники XVIII—XIII вв. до н. э.), палайский (памятники XVII и XIV—XIII вв. до н. э.), лувийский клинописный (памятники XIV—XIII вв. до н. э.) и лувийский иероглифический (памятники XII—VIII вв. до н. э.), лидийский (памятники VII—IV вв. до н. э.), ликийский (памятники V—III вв. до н. э.) и некоторые другие — донесли до нас многочисленные тексты, очень разнообразные в жанровом отношении, которые позволили удлинить на несколько столетий и.-е. культурную историю². Анатолийские языки являются ценным источником по изучению целого ряда историко-этнических проблем, таких, как локализация общиндоевропейской прародины, время и направление миграций носителей и.-е. диалектов, взаимодействие и взаимовлияние культур³, и многих других. Не менее важен и тот факт, что исследования в области анатолийского языкознания в целом способствуют лучшему пониманию письменных источников. Это тем более существенно, что проблема интерпретации текстов или их фрагментов существует и для таких относительно хорошо изученных языков, как хеттский и лувийский. Что же касается лидийских и ликийских текстов, в которых значение более 50% слов остается неизвестным, то здесь эта проблема приобретает особую остроту. Дальнейшие шаги в интерпретации анатолийских письменных памятников помогают увидеть историю древней Анатолии глазами ее творцов, а не в том зачастую предвзятом виде, в каком она предстает перед нами по ближневосточным документам.

¹ О времени появления хетто-лувийцев в Малой Азии см., в частности, Т. В. Г а м к р е л и д з е, В. В. И в а н о в, Миграции племен — носителей индоевропейских диалектов с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии (ВДИ, в печати).

² Именно таков временной интервал между самыми ранними памятниками на других и.-е. языках, датируемыми серединой — концом II тыс. до н. э., и древнейшими свидетельствами анатолийских языков.

³ Неоднократно отмечалось, что хеттская культура выполняла в определенном смысле роль посредника между культурами Ближнего Востока и Греции: А. К а т т е н б е р г, Die Arier im Vorderen Orient, Heidelberg, 1968, стр. 31; В. В. И в а н о в, Хеттский язык, М., 1963 (далее — ХЯ, стр. 8).

К числу хетто-лувийских языков, изучение которых еще далеко не завершено, относится ликийский — язык государства Ликия (клинописное Lukka) на юге Малоазийского полуострова, которое во второй половине I тыс. до н. э. граничило на западе с Карией, на севере — с Фригией, а на востоке — с Писидией и Памфилией. Вторая половина I тыс. до н. э. — это письменно документированный период существования ликийского государства. Однако еще в хеттских клинописных текстах середины II тыс. до н. э. упоминается страна Lukka, которую обычно связывают с Ликией⁴. В ликийском языке, входящем в лувийскую группу, выделяют два диалекта — ликийский А и милийский (последний более архаичный)⁵. Особый интерес для историко-лингвистических разысканий представляет милийский диалект, на котором до нас дошла большая надпись исторического содержания из Ксанфа и эпитафия из Антифеллоса⁶. Плохое понимание этих надписей (особенно эпитафии, которая почти не переводима) обусловлено как сравнительно малым объемом материала, что ограничивает возможности комбинаторного анализа, так и отсутствием полного описания милийского диалекта, включающего сводку всех надежно установленных значений слов⁷.

В настоящей статье предлагается фрагмент исторического описания звукового состава и именной морфологии милийского диалекта, которое, помимо чисто лингвистических задач, имеет и более широкую филологическую цель, а именно: опираясь на комбинаторно-этимологический метод при строгой системе фонетических соответствий, расширить список интерпретируемых милийских слов, что должно, безусловно, отразиться на нашем понимании милийских письменных памятников. Это описание построено на материале других хетто-лувийских и индоевропейских языков; в нем использованы результаты многолетних исследований по хет.-лув. языкам Э. Лароша, Х. Педерсена, П. Мериджи, Вяч. Вс. Иванова и других советских и зарубежных специалистов. Индоевропейские соответствия приводятся по словарю Ю. Покорного: J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Wien, 1959 (далее — IW).

ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ

Г л а с н ы е. В милийском, как и в общеликийском, насчитывается восемь гласных: четыре чистых (неназализованных) — а, е, і, у и четыре носовых — ā, ē, ī, ū⁸.

1. *Мил.* а отражает хет.-лув. *а, которое восходит к и.-е. *ō, *а; мил. rad-г- «установить», хет.-лув. rad'а- «нога»⁹, и.-е. *rōd-; мил. da- «давать», хетт. da- «брат», и.-е. *dō- «давать»; мил. alb- «белый, светлый,

⁴ Ph. Houwink ten Cate, The Luwian Population Groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic Time, Leiden, 1961, стр. 12.

⁵ H. Pedersen, Lykisch und Hittitisch, København, 1945 (далее — LH). Термином *ликийский* мы обозначаем явления, общие обоим диалектам.

⁶ Об этих памятниках см., в частности, P. Meriggi, Über die Xanthosstele. — «Mélanges Pedersen», P., 1959.

⁷ Основные работы по ликийскому языку (Pedersen, LH; G. Neumann, Das Lykisch, HdO, II, Heidelberg, 1969) содержат, как правило, анализ явлений, присущих ликийскому А, милийский же упоминается в них лишь мимоходом. Определенное исключение в этом смысле составили исследования, общие результаты которых изложены в статье А. А. Королева «Хетто-лувийские языки», сб. «Языки Азии и Африки», I, М., 1976 (далее — ХЛЯ).

⁸ В милийском отсутствуют знаки для передачи ī, ī; эти носовые гласные могут передаваться посредством знаков u, i (Королев, ХЛЯ, стр. 46). Для обозначения редуцированных носовых гласных используются знаки \tilde{u} и \tilde{i} .

⁹ Знаки d', g' и т. д. обозначают анатолийские рефлексy и.-е. звонких смычных. Здесь и ниже общепанатолйские словоформы приводятся в нотации В. В. Иванова. см. сборник «Древние анатолийские языки» (Изд-во «Прогресс», в печати).

чистый» (TL 44 d 7)¹⁰, хетт. alpa- «облако», и.-е. alba- «белый». Мил. а соответствует и.-е. *eH в глаголе ta- «ставить, класть» (вариант ddi-), хетт. dai-/tai-, и.-е. *dheH-¹¹.

В некоторых словах милийское а стоит на месте ликийского А е, что можно рассматривать как юго(?)-восточный диалектизм¹². В этом случае ему соответствует хетт. е или а, лув. а, лид. е, и.-е. *е: мил. asxha «кровь», хетт. eshar, лув. ashar, и.-е. *(H)e-shr; мил. aba (также ebe-) «этот», хетт. ara, лид. местоименная основа eba-, и.-е. *e-bho-.

Еще одним источником мил. а были прамилийские группы гласных, содержащие слабый w или j, которые в результате стяжения или гаплоггии превратились в а: а из uwa в мил. ta-wa- «усилить, укрепить» < *muwa-wa-¹³, а из aja в мил. ta-dra- «зрелость, процветание» (TL 55,1) < *maja-tar¹⁴.

2. Мил. е восходит к хет.-лув. *ē (хетт. е, i¹⁵, лид. i), и.-е. *ē: мил. lebi «нападение», хетт. lip(p)ai- «повреждать», лид. -lif/bi-, и.-е. *lebh «хватать» (Королев, ХЛЯ, стр. 85); мил. wed- «вода» (?)¹⁶, хетт. wat-, we/it-, лув. wid-, и.-е. *wēd-¹⁷.

Мил. е может отражать и.-е. *ё, которое во всех хет.-лув. языках, кроме лидийского, перешло в а (но лид. i, e; в мил. это а также чередуется с i): мил. wese-/wisi-, хетт. assu- «хороший, добрый», лув. wasu-, лид. wiš(š)i-, и.-е. *(u)es- с тем же значением.

В анлауте некоторых слов мил. е представляет собой результат развития слоговых сонантов в последовательностях RC-, RH-: мил. egei «вне, снаружи» (TL 55,5) < *rhei, хетт. a/irha-, и.-е. *rH-¹⁸; мил. elpu- «говорить, повествовать» (TL 44 d48; 55,1), и.-е. *lp- (греч. λαπίζω «хвастать, бахвалиться», др. инд. lap- «болтать, хвастаться, причитать»). Возможно, во всех этих случаях мил. е служит для передачи древнего редуцированного гласного типа шва (об этом может свидетельствовать и греч. α в λαπίζω)¹⁹.

¹⁰ Ссылка на «Tituli Lyciae» (TL) Э. Калинин означает, что данный перевод предложен автором настоящей статьи, и дает возможность проверить правильность интерпретации по соответствующему контексту.

¹¹ Прописными буквами обозначаются точно не определимые фонемы / звуки некоторого класса (H — неизвестный ларингал, R — неизвестный сонант, C — согласный, V — гласный).

¹² Показательно, что в лувийском а регулярно заменяет общанат. *е. См. E. Lacroix, Dictionnaire de la langue louvite, P., 1959 (далее — DLL), стр. 134. В лик. А также можно встретить а вместо е в текстах из Юго-Восточной Ликии, например, в Лимире (TL 145): abāpā наряду с ebeñe «эту» и др.

¹³ Этот глагол содержал, видимо, тот же суффикс, что и лик. rēpāwa- «строить» < rapna «дом».

¹⁴ Данное фонетическое явление не ограничивается только ликийским ареалом. Нестойкость групп гласных, включающих w или j, была характерна для всех индоевропейских языков (о хеттском см. J. Friedrich, Hethitisches Elementarbuch, Heidelberg, 1960, § 13—17).

¹⁵ В хеттском ударное *е довольно долго сохранялось как е, безударное *е переходило в i.

¹⁶ О корне *wēd- «вода» в составе лувийского тропонима Kizzuwatna и мил. wed-ri см. G. Neumann, Beiträge zum Lykischen, «Die Sprache», 1974, стр. 82.

¹⁷ Заслуживает внимания тот факт, что и.-е. *ē (ступень растяжения *ё) и *eH (ср. *dheH- «ставить, класть») дают в хетто-лувийском разные рефлексы: и.-е. *ē > хет.-лув. *е, и.-е. *eH > хет.-лув. *а. Последнее может свидетельствовать о довольно раннем падении ларингала в корне *dheH- у части и.-е. диалектов.

¹⁸ Об отражении этого и.-е. корня в хет.-лув. языках готовят статью В. Г. Ардзинба и Л. С. Баюн.

¹⁹ Не исключено, что аналогичное объяснение приемлемо и для лувийских фактов: лув. е появляется вместо обычного а в глаголе elh- «мыть, смывать», где elh- < *l̥h- (другой вариант этого корня находим в лув. lahuni-, хет. lahuwai- «мыть» < *loh-) и в именной основе eghu-wa- < *gh-(wa), которую можно связать с хет.-лув. *arh-/*gh- «проводить границу; граница, предел». О развитии милийских слоговых сонантов в анлауте см. ниже.

3. *Мил. u* восходит к хет.-лув. *u, и.-е. безударному *o²⁰: мил. urttu(wa)- «великий, высокий», лув. uḡat-, и.-е. *or(ə)dh/d- «высокий, рас-ти» (тохар. oḡoss- «высокий»: Pokorny, IW, стр. 339).

Мил. u отражает также и.-е. *u и дифтонги, содержащие *u (*ou, *eu): мил. kuma- «(ритуально) чистый», др. инд. komala- «нежный, мягкий», kumāga- «ребенок, юноша», и.-е. *koum-, *keum-, *kum-; мил. zusi «свет; бог света», и.-е. *dieusi.

Мил. u может появляться вследствие стяжения сочетаний wa и uwa: мил. uba «бык» (TL 44 d 7; 44 c4) ∞ лик. A wawa; мил. mutala «крепкий, мощный» ∞ хетт. muwattalli-. Судя по первому из приведенных приме-ров, рассматриваемое явление носит скорее диалектный, чем временной характер²¹.

4. *Мил. i* возводится к хет.-лув. *i, и.-е. *i: мил. ziw- «бог», хет.-лув. d'iw-, и.-е. *diḡ- (Pokorny, IW, стр. 219). В мил. i совпали также старые дифтонги, содержащие *i (и.-е. *ēi): мил. kiki- «наказывать, карать», хетт. ki-pu- «взламывать, насильственно открывать», и.-е. *ghei- «знять»²². Однако в окончании дат.-мест. падежа ед. ч. милыйский в отличие от ос-тальных хет.-лув. языков сохраняет древний дифтонг *ei; при этом не последнюю роль сыграли, видимо, морфолого-семантические факторы (см. ниже, раздел «Милыйское именное склонение»).

Некоторые примеры позволяют говорить о соответствии мил. i (лув. i?): и.-е. *ē, например, мил. ni «не», лув. ni-s, и.-е. *nē; мил. kride «вера» (??), и.-е. *kře-d- и некоторые другие. Это могло бы указывать на то, что в общелувийском было релевантно различие между долгими и краткими гласными (об и.-е. *ō см. прим. 24).

5. *Мил. ā* является рефлексом хет.-лув. *an, и.-е. *oN: мил. окончание 3 л. мн. ч. императива -ātu, хет.-лув. *-an-tu, и.-е. *-on-tu. Один пример указывает как будто на соответствие мил. ā: хетт. a, и.-е. *N: мил. kāt-²³, хетт. katta «внизу», и.-е. *kmta-.

6. *Мил. ē* соответствует хет.-лув. *en, и.-е. *eN: мил. mē-mi «слово, речь», хет.-лув. *men-ṣi, и.-е. *men- «думать, полагать»; мил. ētr- «внут-ренний», и.-е. *entr- (греч. ἐντєρα «внутренности», слав. вън-отрь «во-внутрь»: Pokorny, IW, стр. 726 и сл.). В милыйском сохраняется и.-е. *eN, которое в других хет.-лув. языках перешло в aN: мил. ēṣu «я», хетт. amṣuk, лув. iēr. ami, лид. ami, и.-е. *em(e) (Pokorny, IW, стр. 702).

7. *Мил. ū* восходит к хет.-лув. *un, и.-е. *uN, *oN: мил. вин. пад. ед. ч. -ū, хет.-лув. *-an, и.-е. *om²⁴.

8. *Мил. i* отражает хет.-лув. *in, и.-е. *iN: мил. вин. пад. ед. ч. -i, хет.-лув. *-in, и.-е. *-im.

Редуцированные носовые гласные передаются в милыйском посред-ством знаков ṁ (рядом с губными согласными и q) и ṅ (в остальных слу-чаях): мил. ṅte-li «внутренний», хет.-лув. *and'a-li, и.-е. *en-do; мил. ṅprewēti «(на)род», но под ударением tēpe.

²⁰ И.-е. ударное *o дает хет.-лув. *a, мил. a.

²¹ Выше, со ссылкой на И. Фридриха, отмечалось аналогичное явление в хеттском; о лувийском см. Lagroche, DLL, стр. 133 сл.

²² О соответствии веларных в этом корне см. ниже.

²³ Этот корень выделяется из мил. kāt-dqē «установление» (= хетт. katta da-«оставить, класть»): TL 55,2.

²⁴ Pedersen, LH, стр. 18. Мил. ū вместо ожидаемого ā в словоформе dutu (= [dūtu]) «пусть они дадут» < *dōntu объясняется, видимо, ассимиляцией конечному u. Вообще лик. ū и ā были, вероятно, фонетически близкими звуками, о чем свидетель-ствуют случаи их варьирования в одном и том же слове. Можно, однако, выдвинуть и другое предположение: не исключено, что рефлекс и.-е. *ō в милыйском отличался от *o. В таком случае переход и.-е. *ō в мил. u был бы параллелен переходу и.-е. *ē в мил. i, иначе говоря, в милыйском старые долгие гласные могли стремиться к закры-тому типу.

Сонанты. В милийском, как и в ликийском, четыре сонанта — *m*, *n*, *l*, *g*, каждый из которых может выступать в слогообразующей и неслогообразующей функции.

9. Мил. *t* соответствует хет.-лув. **m*, и.-е. **m*: мил. *māṁte* «смертным» (= людям?), хетт. *meḡ-* «исчезать», и.-е. **meḡ-*/**mog-* (Pokorny, IW, стр. 735).

10. Мил. *n* отражает хет.-лув. **n*, и.-е. **n*: мил. *nēṁija-* «вести, направлять», хетт. *nai-/ne-*, *naṁpa-*, и.-е. **nei-/ni-*, **neiə-* (Pokorny, IW, стр. 760).

11. Мил. *l* восходит к хет.-лув. и и.-е. **l*: мил. *luwadla* (существительное с положительным значением), хетт. *luluwai-* «способствовать, преуспевать» и *lulu* (с глоссовым клином) «здоровье, благополучие».

12. Мил. *g* соответствует хет.-лув. и и.-е. **g*: мил. *grije* «первый, главный», хет.-лув. **grija-*, и.-е. **ger-* «das Hinausführen über» (Pokorny, IW, стр. 814). Не очень ясно, как влиял мил. *g* на последующий ларингал. В ряде словоформ сочетание **gh* дает мил. *gq*, но в то же время ларингал не сохранился в мил. *egei* «вне, снаружи» < **rhei*. Последний случай можно объяснить падением ларингала рядом с *g*²⁵. Есть, однако, и второе возможное объяснение мил. *egei*: можно предположить, что эта милийская основа никогда не содержала ларингала²⁶. При этом остается трудность объяснения мил. начального *e* в *egei*.

При передаче милийских (и ликийских) сонантов обращает на себя внимание один графический феномен, состоящий в том, что в позиции между согласными (*C*₁ *R* *C*₂) сонанты *g* и *l* вызывают удвоение следующего за ними знака, т. е. *C*₁ *R* *C*₂ ⇒ *C*₁ *R* *C*₂ *C*₂, тогда как при *R* = *m*, *n* последующий согласный остается без изменения. Если принять точку зрения некоторых ученых, объясняющих запись *C*₁ *C*₁ как способ передачи последовательности *e* *C*₁ (а это предположение оказывается верным для ряда языков), то представляется возможность фонетической интерпретации милийского удвоения согласных. Развитие группы *C*₁ *R* *C*₂, где *R* = *g*, *l* (но не *m*, *n*) в группу *C*₁ *R* *C*₂ *C*₂ может означать появление гласного призвуча после слогового сонанта, т. е. в милийском *g* > *g^o*, *l* > *l^o*, тогда как *m* > *m^o*, *n* > *n^o*²⁷. В качестве типологической параллели можно привести развитие слогообразующих сонантов в старославянском²⁸.

Смычные согласные

13. Мил. *p* соответствует хет.-лув. **p* (хетт. *p*, лид. *f*)²⁹, и.-е. **p*; мил. *pre-te* «он гнал, бил», хетт. *paḡh-* «гнать», и.-е. **per-* «бить» (лит. *periti*, *perti*, слав. *pyrati* и т. д.; Pokorny, IW, стр. 819)³⁰.

²⁵ Поскольку *g* в хет.-лув. языках (или, по крайней мере, в некоторых из них) был вудлярным (см. Иванов, ХЯ, стр. 75), он мог ассимилировать соседний ларингал.

²⁶ Данные и.-е. языков позволяют реконструировать два варианта этого корня: **ə_g-* и **ə_g-* с распространением на ларингал или велярный смычный.

²⁷ Этим объясняется, вероятно, чередования типа *g/gi* в мил. *zgqg-/zriga-* < **sph-* «нападать, набрасываться» и *ṁ* (= [m]) / *ḡ* в мил. *tḡpe-/tere* «(на)род».

²⁸ А. Мейе, Общеславянский язык, М., 1951, стр. 60 сл.

²⁹ В интервокальном положении лид. *f* может чередоваться с *b*, например, в глаголе (fa-) *balk-* ∞ хетт. *paḡh-* «широкий», но лид. *afari* ∞ хетт. *happaḡai-* «торговать, продавать». См. R. G u s m a n i, Lydisches Wörterbuch, Heidelberg, 1964 (далее — LW), стр. 52.

³⁰ И.-е. корень **per-* мог иметь распространение на велярные (**per-g-*, **per-k^w-*: Pokorny, IW, стр. 819 сл.) и, судя по хеттским данным, на ларингал (**per-H-*). Вариант без ларингала, возможно, отражен в хетт. *pa-pḡai-* «осквернять» < **per-H-* (ср. хетт. *dai-* «класть, ставить» < **dhe-H-*).

Мил. р может также восходить к и.-е. *bh: мил. ar̄tra «шест» (TL 44 d 10), хетт. ^(GIS)ar̄tra- «культовый предмет (из дерева)», др. инд. gambhā «опора, палка, костыль»; мил. r̄cu-wa «высокий, великий» (TL 44 d 4), хетт. raku(wa)- «высокий», и.-е. *bhergh-.

14. Мил. b восходит к хетт.-лув. *bh³¹, и.-е. *bh: мил. alb- «белый, светлый, чистый» (TL 44 d 7), хетт. alpa- «облако», и.-е. *albho- (Pokorny, IW, стр. 83).

В интервокальном положении мил. b часто отражает старый *p: мил. pu-bra- «гнать, бить» < *po-p³r-, и.-е. *per-; мил. pi-bi- «давать», хетт. pai-/pe-.

Ряд примеров свидетельствует о том, что знак b мог передавать мил. звонкий губной спирант, соотносимый с хетт.-лув. *w, и.-е. *u: мил. alba- «заклинать, молить» (TL 44 d 42, 36, 28), хетт. alwa-nz-atar «колдовство, магия», лув. aluwa при греч. ἀλώω «стенать, метаться»³², и.-е. *alu-/*aleu- (Pokorny, IW, стр. 27 и сл.); мил. zbali «божественный» (TL 44 d 20), хетт. ziwalli-³³.

15. Мил. t восходит к хетт.-лув. *t, и.-е. *t: мил. tube- «наказывать», хетт.-лув. *tupai- «бить», и.-е. *teup-/*tup- (греч. τῦτω «бить, рубить»; др. инд. t̄pati³⁴; мил. atli «себе (самому)» < *ot-ila, слав. (русск. диалект., болг.) -от.

Мил. t является также одним из возможных рефлексов и.-е. *dh. мил. ta- «ставить, класть», хетт. dai-, и.-е. *dhe-N-. Можно предположить еще несколько сопоставлений такого типа, в которых значение милейских слов установлено комбинаторным методом (см., в частности, Королев, ХЛЯ, стр. 75 сл.): мил. urttu(wa)- «большой, великий», лув. urat-, и.-е. *or(ə)dh/d- (Pokorny, IW, стр. 339 и 1012); мил. ute- «вести, возглавлять» (TL 44 с 52, 56), и.-е. *uedh-; мил. t̄rpp-/t̄rbb- «бить, разбивать» (TL 44 d 64, с 10), лув. tarpa, и.-е. *dhrebh- «бить: дробить»; мил. teri «войско», teteri «город», и.-е. *dheregh- «твердый; держать», (ср. лит. daržas «сад», латыш. dārz «сад, двор»; Pokorny, IW, стр. 254).

К собственно милейским фонетическим процессам относится переход группы *d̄u в tb (лик. A > kb): мил. t̄bisu «дважды» < * d̄i-so (Neumann, Lykisch, § 16).

16. Мил. d отражает хетт.-лув. *d', и.-е. *d: мил. da- «давать», хетт.-лув. *d'a- «давать, брать», и.-е. *dō-³⁵.

Мил. d может восходить к хетт.-лув. и и.-е. *dh: мил. kudi «где», и.-е. *k^wodhi (Королев, ХЛЯ, стр. 68); мил. (d)di- «ставить, класть»³⁶ < *dhe-N-.

В позиции между гласными мил. d отражает старое *t, например, в окончании 3 л. ед. ч. наст. вр. -di, хетт.-лув. *-ti, и.-е. *-ti.

17. Мил. k и g. Ряд велярных смычных в милейском состоял, видимо, только из глухого k (о мил. g см. ниже). Мил. k восходит к хетт.-лув. *k, и.-е. *k: мил. k̄m̄m̄ēti «ритуальный предмет», kuma-za «священник», лув. kuma- «чистый», лид. имя kumli-, и.-е. *kom- «производить ритуальное

³¹ В клинописной графике обычно p-, -p-.

³² Греч.-хетт. соответствие отмечено Э. Бенвенистом (Hittite et indo-européen, P., 1962, стр. 87). Не исключено, что с этим корнем связано лид. aluš в LW 49,2: lēk [qlugi aluš mretlis ul «Ленкуги, заклинатель (?), (сын) Мрета, написал».

³³ Чередование b/w известно и в ликийском A, например, в словах uba/wawa «бык», alba- «молить» и alβanalax (имя деятеля; β-[w]).

³⁴ И.-е. материал в IW, стр. 1034.

³⁵ Об этом корне и его рефлексах в анатолийских языках см. Benveniste, ук. соч., стр. 96.

³⁶ В этом корне, однако, удвоение могло быть вызвано не только «внешним сандхи» (после s предыдущего слова), но и записью глухого согласного (передающего этимологическое *dh) посредством двойного звонкого (ср. мил. ddedi = tedi «отец»).

действие». В некоторых случаях мил. *k* стоит на месте хет.-лув. **kw*, и.-е. **k^w*: мил. *ker-*, *kirada* «часть, доля», хет.-лув. **kwer-* «резать», и.-е. **k^wer-*.

Вызывает трудности объяснение мил. *k* < **ḡh* в глаголе *kiki* «наказывать, карать», ср. хетт. *ki-nu-* «насильственно открывать, взламывать», и.-е. **ḡhēi-* «знять, быть пустым», так как обычно и.-е. *ḡh* > лув. и лик. *θ*, например, мил. *izre* «рука» < и.-е. **ḡhesr-*³⁷. Мил. рефлексы и.-е. **ḡh* (обусловленные позицией?) находят параллель в лувийском иероглифическом: лув. иер. *a/istara* < **ḡhesr-* «рука», но *takam(a)* < **dhēghom* «земля»³⁸.

18. Знак *g* в милийском передавал, вероятно, звонкий велярный спирант [ɣ]. На это указывают следующие факты: 1) мил. *g* появляется чаще всего в интервокальном положении; 2) в трех случаях из семи мил. *g* чередуется с ларингалом (или спирантом) *q/x*: мил. имя *Xeriga* ∞ лик. *Xerixehē*, мил. имя (?) *Pigasa/pixre*, мил. *zrigali/zriqali* (< хет.-лув. **srh* «нападать»); 3) в других случаях мил. *g* восходит к историческому ларингалу: мил. *xuga* «дед», хет.-лув. *H₂uH₂a-*. Этимологическое *g* содержится только в мил. *lugātu* «пусть они разобьют», и.-е. **leuḡ-* «ломать, разбивать», но и здесь можно предположить спирантное произношение *g* в интервокальной позиции.

Спиранты

19. Мил. *w* соответствует хет.-лув. **w*, и.-е. **u* (в другой нотации **w*): мил.-*we*, частица прямой речи, хетт. *-wa(r)*, и.-е. **ueg-* «говорить, звать».

И.-е. **g^w* в милийском дает *w*: мил. *wawa* «бык», и.-е. **g^wou-*. Переход **g^w* > *w* мог осуществиться через ступень *ɣ^w*, так как мил. звонкий велярный был, видимо, не смычным, а спирантом. Варьирование сочетания велярный спирант или ларингал + *w* с в родственных корнях наблюдается и в других хет.-лув. языках, например, хетт. *huwarsa-* «окроплять» и *warša* «кашля» и др.

20. Мил. глухой спирант *s* восходит к хет.-лув. и и.-е. **s*: мил. *s̄ma-* «устанавливать, учреждать» (TL 44 d 60—61; 84,7; 29,4,7 и т. д.), хетт. *sammanija-* «устанавливать; делать»; мил. (e)*s-tte* «он был», хет.-лув. **es-*, и.-е. **es-* «быть». Пример на *s-mobile*: мил. *shirte* «памятник», хетт. *ispart-* «возвышаться», и.-е. *(*s*)*per-* «упираться» (праслав. **perti*, лит. *spirti* «подпирать» и т. д.: Pokorny, IW, стр. 928).

21. Мил. звонкий спирант *z*³⁹ отражает хет.-лув. **s* перед *i*, *r* и носовыми сонантами *m*, *n*: мил. *zaza-* «бить, высекать (на камне)», хетт. *sissa-* «запечатлывать», и.-е. **sēi-/sī-* «сила» и т. п. (Pokorny, IW, стр. 890); мил. *-zī* < **si* в окончании вин. падежа ед. числа посессивов.

Очень вероятно, что знак *z* использовался и для обозначения аффрикаты [ts] или [dz]. Этот вывод можно сделать на основании соответствия мил. *ziwi* «бог», лув. *tiwatt-* «бог дневного света», лид. ↑ *iv* и *tiv* «бог» и т. д., и.-е. **diēu-*⁴⁰.

Не ясно, что представлял собой мил. *z* в окончаниях им., вин. и дат.

³⁷ В. С ъ р, *Indogermanica minora*, Ljubljana, 1974, стр. 12 сл.⁷

³⁸ Можно отметить определенную аналогию между ликийским и иероглифическим лувийским и в отношении передачи фонемы | других языков, которая в лик. и лув. иер. иногда отражается как денгал, например, лув. иер. *atiman-* «имя» ∞ хетт. *laman*; лик. *Daraga* (имя собственное) ∞ греч. *Λαπαράς*.

³⁹ На то, что знак *z* в милийском передавал спирант, указывают случаи варьирования *z/s* в одном корне, например, мил. *zxha-/sxha-*, хетт. *zah-* «сражаться». О другом возможном фонетическом значении мил. *z* см. ниже.

⁴⁰ В ликийском *A* также есть примеры на *z*, обозначающее аффрикату, ср. лик. *A* суффикс *-zi* (например, *spartazi* «спартавец»), соотносимый с хетт. адъективным суффиксом *-zi* ([-tsil]), и.-е. **-tio*.

падежей мн. числа ⁴¹. Однако, судя по тому, что уже в милийском мы видим колебания между *z* и *s* в этих окончаниях, вероятно, это был звонкий спирант, который впоследствии оглушился, перейдя в *s*⁴².

В е л я р н ы е с п и р а н т ы

Милийская графика содержит два знака для передачи велярных согласных, отличных от смычного *k*. Это мил. *q* и *x*, которые в большинстве случаев восходят к хет.-лув. ларингалам, но в милийском, очевидно, функционируют как велярные спиранты ⁴³.

22. Мил. *q* восходит к общеанатолийскому ларингалу в позиции перед гласными переднего ряда: мил. *qtti* < **H₁et-i*- «убивать, забивать жертвенное животное» (хет. *hattai*- «бить, рубить» и т. д.); мил. *qidri*- «бить» (TL 44 с 58) < **H₁et-r*- (лув. *hattari*- «бить») ⁴⁴.

Мил. *x* отражает общеанат. ларингал преимущественно рядом с *a*, *u*: мил. *xlu-sa* «спор, вражда» (TL 55,2), хетт. *halluwai*- «спорить, ссориться» < **H₂alu*-.

В милийском и ликийском *A* обнаружено несколько случаев, когда лик. *x* является рефлексом анат. ларингала, который восходит к древнему велярному смычному, например, мил. *xuma*- (также *kuma*-), и.-е. **koum*- / **kum*- «чистый»; лик. *A Xr̥ssēni* (имя собственное), хетт. *hursan* «голова», и.-е. **kēres* (Роконгу, IW, стр. 623) ⁴⁵. Вероятно, в хет.-лув. клинописи *h* имел значение как ларингала, так и велярного спиранта (и.-е. **K*).

В мил. словоформах дистрибуция *q* и *x* выдерживается довольно строго, хотя возможны и отклонения, например, мил. *qaja* «алтарь», лув. иер. *haiani*-, хетт. *hā*- «верить» ⁴⁶ < *H₂a*-. В грамматических элементах мил. *q* и *x* распределены следующим образом: глагольное окончание 1 л. ед. ч. претерита записывается с помощью знака *-x* (один раз *-q*) < **H₂* (а); глагольный суффикс **-aH₂* дает в милийском *-x(x)*-⁴⁷, тогда как именной ларингальной суффикс (о нем см. ниже) передается посредством *q* и *x*; мил. *q̄lq̄i* < **H₁epaH₁i*- (связано с хетт. *hanna*- «судить»? — TL 55,6); *xaraxi*, имя деятеля (хетт. *har*- «соединять, связывать», и.-е. **Har*-) < **H₂apaH₂i*-. Более древним в этом суффиксе был, судя по всему, согласный *x*, так как он появлялся в основах всех типов; мил. *q* обнаружен лишь у нескольких *i*-основ.

Рассмотренные соответствия позволяют сделать несколько общих выводов об особенностях милийского фонетического строя.

⁴¹ Параллельные лув. окончания на *-pz*- также, вероятно, развились из **-p-s*-.

⁴² Развитие окончаний, содержащих *-pz*-, должно было идти именно в направлении $\sqrt{z} > -Vz > -Vs > -V$ (последний переход имел место уже в лик. *A*), т. е. оглушение *z* было связано с утратой назализации. Об этом говорит наличие форм на *-Vz* (например, мил. *mlez* «потомков») при том, что **-V̄s* в этих окончаниях не засвидетельствовано.

⁴³ Об этом свидетельствует, в частности, определенный параллелизм функционирования зубных спирантов *s*, *z* и велярных *q*, *x*, выражающийся в геминации согласных после этих четырех элементов. О том, что в милийском в отличие от ликийского *A* не было слабого заднеязычного (=ларингала), пишет Г. Нойман в статье «Das Lykisch» (HdO, 2, 1969).

⁴⁴ Мил. *qidri*- сопоставлялось ранее с хетт. *hatrai*- «писать». Представляется, однако, что значение мил. *qidri*- гораздо ближе к лув. *hattari*- «бить»; мил. сочетание *qidridi laxadi*, которое прежде сравнивалось с хетт. *kurur hatrai*- «объявлять (букв. «писать») войну» в действительности может означать «бьет походом», что намного лучше согласуется с контекстом (TL 44 с 58 и сл.).

⁴⁵ Чередование *x/k* имеет место не только в лик. словоформах, но и при передаче иноязычных слов, например мил. *xāzbi* ∞ греч. *Καζοβία*; мил. *Xbide* ∞ греч. *Καυός* и т. д.

⁴⁶ См. *V e n v e n i s t e*, *Hittite et indo-européen*, стр. 36.

⁴⁷ Например, мил. *m₁u-xx*- < **m₁d-u-aH₂*- «молить(ся)» (TL 44 d 14).

Милийская система гласных в отдельных случаях более точно отражает и.-е. вокализм, чем соответствующие хеттская, лувийская и палаяская системы. Определенное влияние на тембр милийских гласных оказывало место ударения: древнее безударное *o имело тенденцию к закрытости (отсюда его переход в мил. u, также *oN > мил. û)⁴⁸, ударное *o переходило в мил. a.

Прамилийский, вероятно, различал три ряда общеанатолийских и индоевропейских смычных: глухие (общеанат. *p, *t, *k, мил. p, t, k), звонкие (общеанат. *b', *d', *g', мил. b, d, γ) и придыхательные (общеанат. условно *bh, *dh, *gh, мил. p/b, t/d, k/θ)⁴⁹. Наиболее четко различие между тремя рядами смычных прослеживается на примере и.-е. палатализованных: и.-е. *k̄ > мил. k (k̄leima «слава» < *k̄leu-), и.-е. *ḡ > мил. [γ] (lugātu «пусть сломают» < *leug-), и.-е. *gh > мил. θ (иногда k; мил. izre «рука» < *ḡhesr-, kiki- «наказывать» < *ghēi-/ *ghī-).

Наконец, надо отметить, что из всех анатолийских языков только хеттский и милийский дают основания для реконструкции двух общеанатолийских ларингалов, и оба, таким образом, отражают древнейшее состояние хет.-лув. фонетического строя⁵⁰.

Система милийских фонем

Система милийских фонем насчитывает 22 элемента, выделяемых на основании дистрибутивных критериев⁵¹.

Смычные согласные и спиранты

p	b		
t	d	s	w
k	— ¹⁾	x ²⁾	γ

Сонанты и гласные

m		a	u	ā	ū
n	l	r	e	i	ē

Примечания. 1. Место звонкого веларного смычного в милийской системе фонем остается, видимо, незаполненным. Это предположение не противоречит данным фонологической типологии: в системах с отсутствующим звонким веларным смычным g функционирует, как правило, звонкий спирант того же артикуляционного ряда⁵². 2. Глухой веларный спирант x имеет палатальный вариант x' (на письме q), с которым он отчасти дополнительно распределен. В более поздний период, засвидетельствованный ликийским A, знак q почти полностью выходит из употребления, повсеместно заменяясь знаком x. Вполне вероятно, что к этому времени оппозиция *палатальность: непалатальность*, восстанавливаемая для общеанатолийских ларингалов, в ликийском языке утратила релевантность.

⁴⁸ Это отчасти характерно и для других хетто-лувийских языков; O хетт. см. E. S t u r t e v a n t, A. N a h n, A comparative grammar of the Hittite language, N. Y., 1951, стр. 82 сл.

⁴⁹ В наиболее надежных случаях имеет место соответствие и.-е. *придыхательный: мил. глухой*. Такое отражение и.-е. придыхательных сближает милийский с греческим. Очень вероятно, однако, что для милийских рефлексов и.-е. придыхательных, как и для их прототипов, признаки *звонкость/глухость* вообще не были релевантными, а смычные придыхательные противопоставлялись двум другим рядам смычных на каком-то ином основании (см., в частности, И в а н о в, Древние анатолийские языки, стр. 209).

⁵⁰ О хет.-лув. ларингалах см. сб. «Evidence for laryngeals», New Haven, 1965, стр. 82 сл.

⁵¹ См. об этом подробно в нашей статье «К описанию системы фонем милийского языка» (сб. «Исследования по фонологии и грамматике восточных языков», М., 1978).

⁵² И. М е л и к ш в и л и, Структурные отношения в фонологии (На материале картвельских языков), Тбилиси, 1971, стр. 54.

К числу основных особенностей милийской фонологической системы относятся следующие:

1. Противопоставление трех рядов смычных согласных — звонких, глухих и придыхательных, которое можно реконструировать для праимлийского, сменяется противопоставлением двух рядов согласных, — глухих и звонких.

2. В фонологической системе отсутствует звонкий веларный смычный, вместо которого функционирует звонкий веларный спирант γ .

3. Лабиальный ряд содержит губной спирант w , который развивается из общепанатолійского неслогового $*w$ (= * υ).

4. В подсистеме гласных релевантна оппозиция *назальность: неназальность*, которая в той мере, как в ликийском, не реализована ни в одном из хет.-лув. языков.

МОРФОЛОГИЯ

Грамматические категории милийского имени и способы их выражения. Грамматические категории рода, числа и падежа, определяющие, наряду с типом основы, парадигматические отношения в системе индоевропейского и анатолійского имени, присущи и милийской именной парадигматике.

Категория рода, восстанавливаемая для общепанатолійского на основании данных исторических языков, характеризовалась противопоставлением граммем общего и среднего рода. Морфологическое выражение категории рода имело место на уровне основ и флексий. В милийском отсутствует родовая дифференциация на уровне основ вследствие тематизации основ на сонант и согласный⁵³, которые после отпадения окончания им. падежа ед. числа общего рода $*-s$ перестали отличаться от старых тематических основ. На уровне флексий оппозиция *общий род: средний род* релевантна в им. и вин. падежах.

Категория числа в милийском и других анат. языках представлена бинарной оппозицией *единственное число: множественное число*. Не исключено, что хет.-лув. категория числа исторически развилась из системы с троячным противопоставлением *единственное число: множественное число: двойственное число*, на что указывают хеттские⁵⁴ и и.-е. факты⁵⁵.

Категория падежа в лувийском ареале строилась на противопоставлении пяти падежных граммем: субъектно-объектных — именительного и винительного, пространственного дательного-местного и периферийных родительного и творительного падежей. В милийском (в отличие от ликийского А) отсутствовал родительный падеж, функции которого выполняли отыменные прилагательные на $-si$, $-zi$.

Непроизводные именные основы. Преобразование общепанат. именных основ в ликийском было обусловлено перераспределением морфем в составе слова и образованием в нем новых морфемных швов. Первостепенную роль при этом играло развитие силового ударения, которое вело к возрастанию значения ударного слога и ослаблению безударных, выпадению протонических и посттонических гласных и т. д.⁵⁶ В результате этих процессов подавляющее число милийских основ имеют гласный исход. В их оформле-

⁵³ Процесс тематизации основ с согласным или сонантным исходом начался еще в лувийском (Lagšhe, DLL, стр. 134).

⁵⁴ Иванов, ХЯ, стр. 128 сл.

⁵⁵ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 254.

⁵⁶ Эти процессы, хотя и в гораздо меньшей степени, отмечаются уже в лувийском, например, при редукции безударного гласного в лувийских суффиксах $-tar$ и $-man$: лув. *aĵatar* «изобилие», им.-вин. падеж мн. числа *aĵatr-a*.

нии участвуют тематические гласные *i*, *a*, *e*, *u*. В миллийском, как и в общелувийском, но в отличие от хеттского и палайского, преобладают *i*-основы⁵⁷: мил. *ēni* «мать», лув. *anni-*; халі «день», лув. *hali-*. Непроизводные *a*-основы численно уступают *i*-основам; это мил. *qla* «святилище», лув. *hila* «двор (храма)»; хаба «овца», общелув. **H₂awi-*⁵⁸. Отличительной чертой миллийского, как и общеликийского, является наличие *e*-основ, отсутствующих в раннеанатолийских языках: мил. *miḡe* «мужская часть населения, *Männerschaft*», *sbirte* «памятник», *sukre* «высокий, великий»⁵⁹. Миллийские *u*-основы довольно малочисленны, это прилагательное *urttu* «великий», имя собственное *Zrpedu*. К числу старых основ на сонант предположительно относится мил. *mēmi* «слово, речь» < **menmi(ja)n*. Из согласных основ известно только мил. *Tḡqiz* «Тархунт»⁶⁰.

Производные изменные основы. В миллийском именном словообразовании ведущую роль играет суффиксация, что характерно для всех анатолийских языков. Ниже рассматриваются суффиксы имен существительных и прилагательных, расположенные по убывающей частоте.

1. СУФФИКСЫ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

1. *-la* служит для образования отглагольных имен действующего лица: *qidrala* «воин» (TL 44 d 49) < *qidri-* «бить»; этот же суффикс дает отыменные производные типа *abgala* < *abura*⁶¹. Мил. *-la* находит аналогию в и.-е. **-lo-*, образующем, в частности, *nomina agentis*, например, лат. *credulus* «доверчивый»⁶².

2. *-ēni* (вариант *-ēi*) используется для образования отглагольных и отыменных производных, первых со значением имен действующего лица, значение же вторых можно условно обозначить как определительное: мил. *zrētēni* «отщепенец, враг»; *lbijēi* «молитвенный» (TL 55). Мил. *-ēni*, *-ēi* (< **-ēni*), а также и довольно редкий суффикс *-n-*, входящий в состав абстрактных имен (например, мил. *madrane* «процветание, расцвет; зрелость»: TL 55,1), содержат древний элемент **-n-*, который в индоевропейском и общепанатоллийском формировал активные именные основы⁶³.

Суффикс *-ēni* развился на ликийской почве; в других анатолийских языках параллелей ему нет.

3. В некоторых миллийских именах выделяется суффикс *x/q*, содержащий старый ларингал. Он засвидетельствован в именах деятеля *alḡanax* (от *alba-* «молить») и *haxaxi* (от *hap-* «связывать, соединять»), в имени с собирательным значением *uwadraxi* < *uwedri* «община», в имени действия *kātdqē* < (*kḡta*)*da-H-* «устанавливание», а также в словах с неясным зна-

⁵⁷ См. Н е и т а н н, *Lykisch*, стр. 383.

⁵⁸ Переход общепанат. *i*-основы **H₂awi-* (и.-е. **Нои-*) в разряд *a*-основ в общеликийском должен был иметь особые причины, так как обычно лувийско-ликийские языки хорошо сохраняли старые основы на-*i*. Возможно, исход мил. хаба обусловлен ассимилятивным воздействием первого (ударного) гласного.

⁵⁹ Вопрос о происхождении ликийских *e*-основ тесно связан с вопросом о лик. *e* как основообразующем элементе. Как показывают многочисленные примеры, оформленные ликийские основы по *a-* или *e-*типу в большой степени зависело от того, какие гласные предшествовали основообразующему, т. е. здесь, как и во многих других случаях, в качестве мощного фактора преобразования ликийского вокализма выступал принцип гармонии гласных, ср. мил. *izge* «рука», *qirze* «доля, часть», но *laḡra* «стела с надписью», *wawa* «бык».

⁶⁰ Об этой основе см. E. L a g o s 'h'e, *Etudes de linguistique anatolienne*, RHA, 76, 1965, стр. 35.

⁶¹ О хеттских и лувийских параллелях см. N. van B r o c k, *Les dérivés nominaux en -l- du hittite et du louvite*, BSL, 1964.

⁶² А. Э р н у, *Историческая морфология латинского языка*. М., 1950, стр. 53 сл.

⁶³ Функции элемента **-n-* в индоевропейском рассмотрены В. В. Ивановым (ХЯ, стр. 134 сл.).

чением *karsaqē* и *qm̄qi*. Не представляется возможным определить общий семантический компонент значений милийского ларингального суффикса. Очень вероятно, что перед нами не один суффикс, а два, первый из которых исторически связан с хеттским глагольным суффиксом и.-е. происхождения *-ahh-* и имеет каузативное значение (в милийском — значение действия или действующего лица), а второй — с и.-е. показателем собирательных именных форм **-oH*. Если последнее предположение верно, то, поскольку в хеттском, палайском и лидийском модель, соотносимая с и.-е. собирательными формами на **-oH*, не засвидетельствована, можно констатировать наличие лувийско-ликийско-индоевропейской изоглоссы в области именного словообразования: лув. суффикс собирательных и абстрактных имен *-h(i)-*: мил. суффикс собирательных имен *-x-/-q-*: и.-е. *-oH*.

4. Суффикс *-ija* отличается своеобразным употреблением: он оформляет некоторые основы общего рода в косвенных падежах при том, что в именительном падеже эти основы не имеют суффикса, например, *kemijedi*, твор. падеж от *kemi* «воин» (?), *rupamadijedi*, твор. падеж от **rupamadi* (лик. *A rupamaθdi*) и др. Функционирование мил. *-ija*⁶⁴ можно рассматривать как один из реликтов особого оформления активных основ, которое широко представлено в хеттском⁶⁵ и было продуктивным способом основопроизводства в древнейший и.-е. период.

Наряду с этим мил. *-ija* формирует прилагательные, многие из которых содержат суффикс прилагательных *-li*⁶⁶: *tr̄milija* «ликийский», *tulije-lije*, дат.-мест. падеж мн. числа, «относящийся к совету *tuli(ja)*».

5. *-w-* производит отглагольные имена типа *rijanuwa* «дар, приношение» < *rija-* «давать»; *lbewe* «моление» (TL 55,6) < *alba-* «молить». Этот же суффикс известен в лувийско-ликийском ареале как форматив глагольных основ, например, лув. *apaṇu-wa-* «удлинять», лик. *x̄ta-wa-* «возглавлять, вести». Исторически этот суффикс развился, вероятно, в общелувийских и-основах из сочетания **aṇ +* гласный, а затем был перенесен и на другие типы основ.

6. Милийский суффикс и.-е. происхождения *-t-/-d-*⁶⁷ используется в отыменных производных с собирательно-отвлеченным значением, например, *kirada* «доля» (TL 55,3), *xrbblata* «комплекс религиозных сооружений, святилище», а также в отглагольных формах причастного типа, например, *lajata* (ср. лув. *lai-* «брат» и имя *lalatta-*)⁶⁸. В хеттском этому суффиксу параллелен именной форматив *-att-* (в *anijatt-* «действие» от *anija-* «делать» и т. д.); в лувийском с ним соотносится, видимо, элемент *-t-* < **-to-* в собирательных именах на *-hi-t-* (лув. твор. падеж ед. числа *annarumma-hi-t-ati* < *annarummahi(t)-* «сила»).

7. *-ner-/nir-*, суффикс отглагольных имен, служит средством создания имен действия: *mluneri* «моление» (TL 55,6) < *mla-* «молить»; *uteṇneri* «ведение» (TL 55,7) < *ute* «вести». В состав этого суффикса входит элемент *-r-*, который можно связать с лидийским формативом причастий *-r-*⁶⁹.

8. *-k-* формирует отглагольные существительные с предположительным значением имени деятеля⁷⁰: *utaki* «ведущий» (TL 44 с 52) < *ute-*;

⁶⁴ Аналогичное употребление имеет лув. *-ija-*.

⁶⁵ И в а н о в, ХЯ, стр. 135 сл.

⁶⁶ Вообще цепочки из двух и более аффиксов очень характерны для ликийских деривационных моделей: К о р о л е в, ХЛЯ, стр. 45.

⁶⁷ И.-е. **-to-/*-do-*, Мейе, Введение..., стр. 281 сл.

⁶⁸ Ср. слав. причастия на **-тъ* от и.-е. **-to-*; в индоевропейском эти формы, как считает А. Мейе (Общеславянский язык, стр. 214 сл.), были независимы от глагольной системы.

⁶⁹ Ср. и.-е. суффикс прилагательных **-ro-* в греч. *φοβρός* «страшный, трусливый» и т. д. — Мейе, Введение..., стр. 278.

⁷⁰ Р е д е р с е н, ЛН, стр. 38; К о р о л е в, ХЛЯ, стр. 73.

sabaka «направляющий» < saba-. Возможно, этот суффикс связан с хет.-лув. и и.-е. формативом *-k-, выражающим значения отношения, принадлежности и т. п.

9. -b- образует абстрактные имена от именных и глагольных основ: xñtaba «руководство» < xñta- «руководить, возглавлять»; wixsaba- (не-что положительное) < waxsa. Происхождение этого суффикса не ясно. Сравни, однако, слав. -b- в отглагольных именах типа русск. борьба.

10. -z- обнаружен в милийском отглагольном имени xñtawaza «руководство», которое некоторые исследователи понимают как сложное слово, восходящее к *Nant-wedh-, букв «предводительствовать»⁷¹. При этом, однако, не учитывается рефлекс и.-е. фонемы *dh в милийском, которая обычно отражается как t/d. Что касается милийского суффикса -z-, то он может восходить к формативу отыменных прилагательных *-tio⁷².

11. -wñn- (хетт. -umñ-, лув. -wani-) ⁷³ образует имена от топонимов: trelewñne < Trali «Траллы»; xbidewñni < Xbide «Кавн».

Из суффиксов, имевших в милийском именном словообразовании меньшее значение, можно указать на формативы -dri (tukedri «статуя»), -d(V)l-/ -t(V)l- (luwadla, связано с лув. lulu «процветание», kupttle «заговорщик» < хет.-лув. *-kupija-tala-). Вычленение этих суффиксов осуществляется часто лишь этимологическим путем и с точки зрения милийских норм едва ли достижимо.

II. СУФФИКСЫ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

1. -s(i), общелувийский суффикс, выражает отношение, принадлежность, например, tedesi «отцовский» < tedi «отец», ср. лув. parnassi- «принадлежащий дому» < rapna «дом». Общелув. *-ss- восходит к и.-е. *-sk-, ср. русск. человек-е-ский⁷⁴.

Параллельно -s(i) в милийском функционирует менее употребительный суффикс -z(i) с аналогичным значением: gbbi- nezī «принадлежащий Эрби-не»⁷⁵.

2. -l(i) образует прилагательные с качественным и относительным значением, например, zbali < *d'iwali- «божественный». Обе рассмотренные модели — милийские -s(i) и -l(i) — функционально и генетически тождественны лувийским моделям прилагательных на -assi-, -alli-⁷⁶.

3. -m- в милийском, как и в общелувийском, был наиболее продуктивным суффиксом, образующим причастия от транзитивных глаголов: zireima «украшенный» < zirei-; kuprimi «благодарный» (?) < kupri-. Этот суффикс, засвидетельствованный только в лувийском ареале, сопоставим с и.-е. *-mo-, показателем вторичных прилагательных⁷⁷.

В некоторых случаях мил. -m- выступает как суффикс существительных, например, в мил. sttrmma, однако значение их (и, соответственно, элемента -m-) не поддается определению.

⁷¹ Pedersen, LH, стр. 24.

⁷² В ликийском А многочисленны именны формы на -z- имеют, как правило, относительно-атрибутивный характер: kumaza «священник» < kuma- «(ритуально) чистый», magaza «административный орган» < maga «предписание». Ср. еще ликийские прилагательные-посесивы на -zi того же происхождения (см. ниже).

⁷³ J. Friedrich, Hethitisches Elementarbuch, Teil 1 (2 Aufl.), Heidelberg, 1960, § 56; Lagroche, DLL, стр. 139.

⁷⁴ В. В. Иванов, К изучению лексики клинописного лувийского языка. — «Исследования в чест на акад. Д. Дечев», София, 1957.

⁷⁵ В ликийском А мы находим посесивный суффикс -hi < *-si и zi (последний часто в значении «происходящий из»: atā nazī «из Афин»). О лик. А см. Neuman, Luykisch, стр. 390.

⁷⁶ Анализ лувийских форм у Э. Лароша (DLL, стр. 139).

⁷⁷ Мейе, Введение..., стр. 286; ср. еще тохарские отглагольные прилагательные на: -mo: В. Краузе, Тохарский язык, сб. «Тохарские языки», М., 1959, стр. 70.

4. *-ēt/-ñt-* в большинстве случаев образует отыменные прилагательные: *tīmīlijēti* «ликийский» < *tīmīli*; *udrñte* «общинный» < *udr-/wedr-* «община». Нередко мил. *-ēt-* обнаруживается в составе отыменных существительных: *tīprewēti* «народ» < *tēpe*; *kūmēti* (ритуальный предмет) < *kuma-*⁷⁸.

Если примеры на суффикс *-ē/ñt-* в причастиях, например, *tidñta* (из **titinta*, ср. хетт. *tittijai-* «устанавливать, основывать») в словосочетании *pijanuwa tidñta* «установленное приношение» (TL 55,4). Вероятно, мил. *-ē/ñt-* мог формировать от транзитивных глаголов как пассивные причастия (*tidñta*, ср. лув. пер. причастия на *-nt-*, имеющие при переходных глаголах пассивное значение)⁷⁹, так и активные причастия (*pidrit-*, —[*pidrit*] «основавший» и др., ср. хеттские формы на *-nt-*)⁸⁰. Употребление причастий на *-nt-* (п.-е. **-nt-*)⁸¹ в активном значении можно рассматривать как ликийский архаизм, утраченный лувийским языком.

5. *-ñn-*, который является нормальным средством образования лик. А этниконов⁸², в милийском формирует отыменные прилагательные: *miḡēñne* «мужской» (TL 44d66) < *miḡe* «муж». Этот ликийский суффикс, видимо, родственен тохарскому *-ñn-*, обозначающему материал или принадлежность⁸³.

М и л и й с к а я и м е н н а я п а р а д и г м а

Единственное число. Именительный падеж общего рода. Исчезновение общепаназиатского показателя **-s* (и.-е. **-s*) приводит к тому, что в милийском им. падеже общ. рода ед. числа все словоформы (кроме согласной основы *Tḡqḡiz*) с синхронной точки зрения оканчиваются на гласный — старый основообразующий элемент: *ēni* «мать», лув. *anpi-s*.

Винительный падеж общего рода. Гласные основы образуют вин. падеж общ. р. ед. ч. по двум моделям: 1) посредством назализации конечного гласного основы: *pašbā* < *pašba* «воинство»; *ali* < *ali* «женская часть населения»; 2) посредством окончания *-u* (*-[ū]*): *alu*, наряду с вин. падежом общ. р. ед. ч. *ali*⁸⁴. Флексия *-u* распространилась сначала, видимо, у *a*-основ с предшествующим губным согласным (типа лик. *A хира* «гробница», *rḡñpaḡa* «погребальное сооружение»), позднее стала факультативным вариантом *-ā* у всех *a*-основ; следующей стадией было проникновение *-u* в парадигму основ на *-i*: лик. *alu* < *ali*; *xbidewñniu* < *xbide-wñni(ja)* «житель Кавна». Не исключено, что утверждению *-u* в вин. падеж. общ. р. ед. ч. содействовали причины фонетического и фонологического порядка: как свидетельствуют соответствия гласных в ликийско-греческой ономастике, лик. [u] и [ū] были открытыми гласными типа [o], [ō], и в конечной безударной позиции противопоставление [ū] : [ā] по подъему могло нейтрализоваться, так что [ā] и [ū] оказывались вариантами одной носовой архифонемы среднего ряда⁸⁵.

⁷⁸ Pedersen, LH, стр. 34. Мил. *-ñt-* часто встречается в именных основах, распространенных посредством еще одного суффикса, например, *pidr-it-ēni* «основатель».

⁷⁹ P. Meriggi, *Manuale di eteo geroglifico, Parte I*, Roma, 1966, стр. 67.

⁸⁰ E. Lagrè, *Un «ergatif» en indo-européen d'Asie Mineure*, BSL, 57, 1962.

⁸¹ Мейе, Введение..., стр. 285.

⁸² Neuman, *Lykisch*, стр. 397.

⁸³ Краузе, *Тохарский язык*, стр. 60.

⁸⁴ Очень вероятно, что первоначально *-u* в вин. падеже общ. р. ед. ч. был диалектным (южноликийским) вариантом, так как этот показатель регулярно встречается в текстах из Тлоса, Ксанфа, Миры.

⁸⁵ К чередованию [ū] : [ā] в других позициях ср. лик. *A личное имя Nerḡuma/ñḡr-gāma* (Н о u и w i n k, ук. соч., стр. 55). Варьирование лик. носовых гласных [a] : [u] имеет место при передаче гр. o в окончании антропонимов: греч. Ἀλέξανδρος = *Alaxsa[ā]tra*; греч. Μίζος = лик. *Mizu* (ликийско-греческий ономастический материал и его

В качестве фонетического варианта флексии $-\bar{V}$ может выступать элемент, графически обозначаемый как $-\bar{N}$ ($-\bar{m}$ или $-\bar{n}$) и передающий редуцированный носовой гласный: $tas\bar{n} < tasa$ «распоряжение, предписание, стела с надписью»⁸⁶; $masxx\bar{m} < masxxa$ «наставление» (лув. иер. $ma-shani-$).

Милийские окончания вин. падежа ед. числа общ. рода восходят к хет.-лув. $*(a)n$, и.-е. $*(V)m$.

Именительный-винительный падеж среднего рода. В милийском и ликийском A имена среднего рода в им.-вин. пад. ед. ч. оканчиваются на гласный (Neumann, Lükisch, стр. 383; исторически — чистые основы без окончания): $k\bar{l}leima$ «слава», $la\beta a$ «плита с надписью». У основ на $-i$, $-u$ определение рода вызывает значительные трудности вследствие графического совпадения показателей им. падежа общ. рода, вин. падежа общ. рода и им.-вин. падежа ср. рода ед. числа.

Дательно-местный падеж. В милийском i -основы образуют дат.-местн. пад. ед. ч. с помощью окончаний $-i$ (средний род), $-ija$ и $-ei$ (общий род): $z\bar{r}r\bar{l}i = im.$ пад., «священное место для ритуала», $utakija < utaki$ «ведущий»⁸⁷, $murei < muri$ «битва, сражение». Мил.- ei в $murei$ и $qlei < q\bar{l}a$ «храм, религиозное объединение», вероятно, отражает хет.-лув. $*-ei$, и.-е. $-ei$. Мил. a -основы имеют окончания $-i$, $-a$; мил. $la\beta a = im.$ пад. $la\beta a$ «плита с надписью», $waxsi$ и $waxsa = im.$ пад. $waxsa$ «доблесть» (?).

Из приведенного материала следует, что у милийских i -основ среднего рода и части i -основ общего рода имеет место формальная конвергенция именительного-винительного и дательно-местного падежей на $-i$ ⁸⁸.

Наличие параллельных форм дат.-мест. пад. ед. ч. на $-a/-i$ в различных контекстах с определенной долей вероятности указывает на выделение особого падежа с пространственным значением (дат.-мест.₂, предположительно направительного или местного⁸⁹): мил. $nike waxsi pibi...$ (TL 44 с 42) «не дай доблести...», но мил. $tuwi pe ne padrete Xeriga waxsa, murei sebe zrigali...$ (TL 44 с 50—51) «постановление (?) же... Керига доблести, сражению (?) и...». Малое число примеров заставляет, однако, рассматривать лик. дат.-мест.₂ на $-a$ лишь в качестве теоретической возможности⁹⁰.

Наконец, существует второе (и более простое) объяснение лик. окончания дат.-мест. пад. ед. ч. $-a$ — a именно уподоблением гласного флексии корневого гласному⁹¹. Из-за некоторых неясностей механизма гармонии

характеристика содержится в монографиях: Ноуинк, ук. соч.; L. Zgusta, *Kleinasiatische Personennamensippen*, Prag, 1964).

⁸⁶ Едва ли это s -основа: в милийском последовательность $-s\bar{N}$ регулярно переходила в $-z\bar{N}$ (ср. вин. пад. ед. ч. посессивов: $umrggaz\bar{l}$ «аморгов», $wizttasppaz\bar{l}$ «гистаспов» $< *umrggas, *wizttaspas$), здесь же, по-видимому, перед нами $[-s\bar{V}]$, где $-\bar{V}$ — редуцированный носовой гласный.

⁸⁷ Синтаксически, однако, мил. $utakija$ (TL 44 с 52) можно интерпретировать и как им. пад. ед. числа.

⁸⁸ Подобная формантная омонимия известна также у редких основ на $-a$, имеющих в дат.-мест. пад. ед. ч., окончание $-a$ (см. ниже).

⁸⁹ Главное осложнение вызвано наличием омонимического окончания дат.-мест. падежа мн. числа $-a$, из-за чего иногда невозможно однозначно установить числовую принадлежность словоформы.

⁹⁰ Было бы крайне интересно найти подтверждение гипотезы о выделении в ликийском второго дат.-мест. падежа: судя по потенциальным примерам ($waxssa, la\beta a$), этот падеж наблюдается только у неодушевленных имен; в таком случае это явление могло бы указывать на возрождение старой оппозиции *одушевленность : неодушевленность* (геср. *социальная активность : социальная пассивность*) в пространственных падежах, релевантной в хеттской и палайской именных парадигмах.

⁹¹ К этой мысли естественно приводят все обнаруженные примеры дат.-мест. падежа на $-a$: $waxsa, la\beta a$ (ср. лик. $A \bar{n}tata, tasa$).

гласных в ликийском ⁹² мы вынуждены оставить в силе оба альтернативных решения.

Творительный падеж. Лик.-(V)di, где -V- — гласный основы (Pedersen, LH, стр. 14): laxadi < laxa «поход»; erbbedi < erbbe «поражение». В единичных случаях -V- редуцируется и не обозначается на письме: mṛββdi < mṛββα «слово, надпись». Модель твор. падежа ед. числа i-основ чаще имеет другой вид: гласный -i-регулярно заменяется на -e-, например, qrbbledi < qrbbli «алтарь»; xusttedi < xustti «лагерь (?)» (военный термин). Основы одушевленных существительных (крайне редко выступавших в творительном падеже ⁹³) на -i имеют ступень -ija-: kemije-di < kemi «воин».

Ликийский твор. падеж ед. числа образуется по общелувийской модели творительного падежа: (V+) зубной смычный +i. Интервокальный согласный мог озвончиться еще в лувийском. Исторически общелувийский твор. падеж развивается из непарадигматических наречных форм на дентал.

Множественное число. Именительный падеж общего рода. Окончание -Vz, позднемиллийское -Vs (гласный основы +спирант): xbadiz < xbadi «вассал»; mṛββas < mṛββα «слово, надпись». Миллийский показатель им. падежа мн. числа общего рода восходит к общелувийской флексии *(V)nzi ⁹⁴, которая в праликийском, вероятно, редуцировалась до -(V̄)z ⁹⁵.

Винительный падеж общего рода. В историческое время миллийская флексия вин. падежа общ. рода мн. числа проходит несколько стадий: раннемил. -V̄z (графически -āz, -iz), ср. maraz < mara «предписание»; среднемил. -Vz (на письме -az, -iz, -ez, -uz) ⁹⁶, ср. xruwasaz < xruwasa (ритуальный термин?); mlez < mla «потомство»; позднемил. -Vs, ср. qet-beleimis < qetbeleimi (значение неизвестно).

Показатель миллийского вин. падежа общ. рода мн. числа восходит к общеанат. *-ns (ср. лув. -(V)nza/i, лув. иер.-(n)zi) ⁹⁷, и.-е. *-ns.

Именительный-винительный падеж среднего рода. Теоретически следует ожидать форму с нулевой флексией, так как общелувийские основы на сонант и согласный в ликийском становятся тематическими. В действительности же примеров на им.-вин. падеж ср. рода практически нет (Pedersen, LH, стр. 48).

Дательно-местный падеж. Окончания -e, -a, распределение которых, вероятно, происходит чисто формально и зависит от качества ударной (сильной ассимилирующей) гласной: лик. kere < kerī «поле»; uwadra <

⁹² У перечисленных в прим. 91 слов гласный окончания уподобляется корневому. Но сравни дат.-мест. падеж мн. числа zawa «бог», где первый -a- обусловлен флексией. Очень вероятно, что ассимилирующая способность была присуща гласному в ударной позиции.

⁹³ Редкость твор. падежа имен, обозначающих живые существа, характеризует все хетто-лувийские языки. Возможно, в этих языках сохранилось восприятие инструментала как способа образования nomina agentis от существительных, пассивных по значению.

⁹⁴ Lagroche, Etudes..., стр. 71.

⁹⁵ Конечные безударные гласные в ликийском часто редуцируются, если при этом не возникают последовательности, невозможные перед пробелом, поэтому лик.-(V)sV ⇒ ⇒ (V)s, но -(V)TV не переходит в -(V)T.

⁹⁶ У двух флексий: -iz и -uz — графика не позволяет различить варианты с носовой и чистой гласной, поэтому наиболее показательны остальные два окончания — мил. -az и -ez.

⁹⁷ Lagroche, Etudes..., стр. 65. Неоднократно высказывалась мысль о том, что длительное сохранение конечного спиранта в миллийском вин. падеже мн. числа обусловлено предшествующим носовым гласным (Houwink, ук. соч., стр. 57).

<uwedri «община»⁹⁸. В двух случаях гласный флексии выступает в качестве сильного элемента: zawa < ziwi «бог» и uwadra < uwedri. Лишь в одном примере гармония гласных нарушается: мил. sbirte me zireima «и на памятниках, украшенных...» (TL 44 с 32); zireima вместо zireime, по-видимому, во избежание совпадения конца слова с энклитической частицей me (ср. sbirte me), что привело бы к невфоническому повтору в тексте поэтического жанра.

Некоторые милийские словоформы на -iz можно синтаксически интерпретировать как дат.-мест. падеж мн. числа. К их числу относятся слова с неясным значением nijaiz (TL 55,1), pleliz (TL 55, 1—2), хузлуwētiz (TL 44 с 53) и другие, а также, как определил Х. Педерсен, и местоимение kize < ki- «этот» (Pokorny, IW, стр. 583). Вероятно, перед нами остаточные формы, возводимые к общелувийской модели дат.-мест. падежа мн. числа (лув. -nza), которая в исторический период милийского языка постепенно заменялась моделью с показателями -e, -a. Поскольку в милийском именительный и винительный падежи во мн. числе имели отчасти одну и ту же флексию (-V/Vz < прамил.*-Vnz), то элиминирование более древней модели дат.-мест. падежа на *-nz- могло бы свидетельствовать о тенденции максимально противопоставить субъектно-объектные падежи косвенным, что было характерно еще для одного позднеанатолийского языка — лидийского (лид. им., вин. падежи мн. числа -(a)s, дат. и род. -αν).

Милийский дат.-мест. падеж мн. числа на -e/-a не имеет прямых аналогов в парадигмах мн. числа хетто-лувийских языков. Очевидно, ликийский формант соотносим с хет.-лув. *-a, участвующим в формировании наречных образований типа хет.-лув. *H₂ant-a «перед» и хет.-пал. директивов. Отличие окончания лик. дат.-мест. падежа мн. числа -a от дат.-мест. падежа ед. числа -a на глубинном морфологическом уровне состоит в том, что во мн. числе -a — фонетически не обусловленная, сильная флексия, тогда как в ед. числе -a < -i в словоформах с набором гласных заднего ряда.

Творительный падеж. Самостоятельной формы нет. См. твор. падеж ед. числа.

Некоторые тенденции развития милийской деклинационной системы. В области именной парадигматики в разные периоды всех хетто-лувийских языков проявляется большая устойчивость грамматических падежей — именительного, винительного, дательного и (хотя в меньшей степени) родительного. Наряду с этим постоянно действует тенденция (истоки которой надо искать в общеанатолийском) к парадигматическому выражению периферийных падежей, к включению в именные парадигмы адвербиальных образований. Иначе выглядит на этом фоне эволюция ликийского именованного строя. Уже начиная с милийского периода прослеживается начало формирования новых парадигматических отношений, основанных на возрастании удельного веса предлогов и уменьшении функциональной нагрузки флексий, иначе говоря, на противопоставлении синтетических форм аналитическим. На более поздней стадии развития ликийского языка — в ликийском А — увеличение формантной омонимии приводит к еще большему ослаблению падежных оппозиций и, соответственно, к повышению роли аналитических средств. В целом надо отметить, что развитие милийской именной парадигматики идет в направлении к более упрощенным, но в то же время более выдержанным моделям, обладающим более четкой структурной и функциональной оформленностью.

⁹⁸ По Х. Педерсену (ЛН, стр. 35) ликийское окончание дат.-мест. падежа мн. числа -e есть результат стяжения гласного основы -i и флексии (-a?, -e?). По наблюдениям, однако, лик. i + a, i + e развиваются, как правило, в ija, ije, но не стягиваются в e.

В заключение обобщим сказанное, попытаюсь определить, что нового вносит милийский материал в реконструкцию праанатолийского языкового и исторического состояния.

В области фонетики милийский подтверждает идею о наличии в анатолийском (и индоевропейском?) не менее двух ларингалов. Милийская трактовка придыхательных позволяет предположить, что этот ряд, по крайней мере в анатолийском, содержал глухие придыхательные смычные (ср. греческий). Благодаря довольно точному воспроизведению звучания слов (например, необозначению редуцированных гласных), а часто также благодаря особому отражению ударных и безударных гласных появляется возможность определить место старого ударения.

В области именной морфологии милийский унаследовал общелувийский тип склонения как в плане сохранения падежных оппозиций, так и в плане материальной формы флексий. Окончание дат.-мест. падежа ед. числа *-ei* прямо свидетельствует об аналогичной форме общепанатолийской флексии дат.-мест. падежа, что ранее можно было только предполагать на основании косвенных хеттских данных.

Наконец, отметим то, что нам представляется наиболее важным выводом из исторического анализа милийской морфологии. Отдельные факты милийской именной и в особенности глагольной морфологии (последней будет посвящено специальное исследование) однозначно указывают на наличие глубоких диалектных различий в дописьменную эпоху между хеттским, палайским, с одной стороны, и лувийскими языками, — с другой. В то же время лувийские языки обнаруживают ряд изоглосс с другими и.-е. языками и в первую очередь с языками аугментного ареала — греческим, индо-иранским. Лингвистические данные, таким образом, показывают условность термина «общепанатолийский» применительно к народам и языкам, существовавшим в Малой Азии в III тыс. до н. э., и отодвигают период хетто-лувийского единства в эпоху, предшествующую появлению первых волн хетто-лувийцев на территории их позднейшего расселения.

LATE ANATOLIAN LANGUAGES! AS A SOURCE ON HITTITE-LUWIAN PREHISTORY

L. S. Bayun

The author presents a study of the phonetics and nominal morphology of an Archaic representative of the Hittite-Luwian group of Indo-European languages, namely the Mylian dialect of Lycian (middle of the I millennium B. C.). In respect to phonetic structure this dialect confirms the hypothesis that Anatolian had not less than two laryngeals. The handling of aspirates in Mylian allows the conjecture that they included voiceless plosives (cf. Greek). As regards nominal morphology, Mylian inherited the common Luwian type of declension in that it preserves case oppositions, and also in its inflection forms. The dative-locative singular ending *-ei* directly reflects the common Hittite-Luwian inflection of the same case. Earlier this could only be inferred from indirect Hittite evidence.

The most important conclusion to be drawn from historical analysis of Mylian morphology is the following. Particular features of the Mylian nominal structure indicate the presence of marked dialectic differentiation in the prehistoric epoch between Hittite and Palaic on the one hand and the Luwian languages on the other. At the same time the Luwian languages reveal several isoglosses with other IE languages, especially with those of the augment class (Greek, Indo-Iranian). Thus the linguistic evidence shows the conventionality of the term «common Anatolian» in application to the languages and peoples of Asia Minor in the III millennium B. C. and pushes the period of Hittite-Luwian unity back to the epoch preceding the first waves of Hittite-Luwian settlers in the territory they later inhabited.